КАЗАНОВА, ПОЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ

Моск. комсомолец. – 1995. – 5 авг. – с. 2.

"ЭТО Я ВСЕ СМЕШАЛ, ЗАМОРОЧИЛ ВАС..."

Улыбка, блеск глаз, бокал красного вина в руке... Бриллиантовая серьга путается с локоном, загадочно посверкивают через майку-сетку золотые колечки в пупке(!), эпатирующе шуршит шелковая гавайская юбка... Вот он, оказывается, каков — этот "одинокий бродяга любви" (и песни), совершенно не подвластный времени ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ. Задумчивый, неторопливый, взвешивающий каждое слово. Траектория звезды, как и положено, изысканно причудлива: после нашумевших гастролей в Соединенных Штатах мы беседуем в провинциальном Витебске, где Леонтьев знатный гость фестиваля "Славянский базар". Накануне на своем сольнике он показал пятитысячному стадиону "коктейль" из "Полнолуния" и новой программы, которую видели пока только американцы.

— Полностью эту программу на основе моего нового альбома, записанного в Штатах "По дороге в Голливуд", я думаю представить в декабре. А пока даю в концерте "для затравки" четыре новые песни оттуда (в том числе и забойную "Гонолулу"). Дело это тяжелое, неблагодарное.

Может быть, я в течение многих лет совершаю ошибку, но сначала всегда выхожу на сцену с песнями, которых никто не знает. Потом уже начинается раскрутка — телевидение, радио, пластинки... Вот я такой — любопытство разбирает: как слушатель встретит песню, которую никогда не слышал?

— Проверяете на нас, "кроликах"?

— Да. Вот, например, "Гонолулу" пошла с первого раза. Зритель принял: там и хореография интересная, и музончик похитовее. Он легко, как мне кажется, ложится на ухо — как и положено настоящему шлягеру.

"МЕЖДУ МНОЮ И ТОБОЮ — ТАЙНА..."

— У вас есть запретные для разговора темы?

— Думаю, что да. Учитывая тенденцию современной журналистики — с разгона залезть под одеяло и посмотреть, что там происходит... Я не слишком охотно рассказываю — с кем, как, где, когда и в какой позе...

— Честно говоря, мы на это особо и не рассчитывали. И волнует поэтому "МК" исключительно личная жизнь Баксика. Как жива-здорова ваша легендарная собачка?

— Жива, пес чудный, да вот здоровье слабое — все-таки 11-й щенок. Принесли его в коробке, он ходить не мог, но что дали, то дали. Вот уши недавно у нас болели.

Бакс еще молодой — ему два года. Я подумываю о "свадьбе". Есть варианты. Одна моя поклонница, когда узнала, что мне подарили дога, завела предполагаемую "невесту". Пока же личная жизнь Бакса ограничивается погоней за кошками и птицами и дружбой со всеми в доме...

— Он вас чему-то учит?

— Возможно. Это такой мирный пес, такой любвеобильный... Скорее я кого-либо укушу, чем он. Хотя увидишь его — испугаешься. Его главное качество, как мне кажется, — терпение.

— А философия?

— По-моему, это непротивление злу. Он почти толстовец.

— С ним все ясно. С вами сложнее. Признайтесь читателям — в душе вы действительно "собачник"? Или все-таки "кошачник" — такие "киски" пляшут в "Полнолунии"?

— Когда был ребенком, почему-то больше возился с домашними кошками... Интерес был, симпатия к ним, а впоследствии больше полюбил собак, когда лучше их узнал. Я вообще люблю всякую живность.

— И журналистов тоже?

— М-м-м... Благодаря им я недавно узнал свою настоящую фамилию.

"СЛУХИ ИДУТ ГУРЬБОЙ..."

Мне принесли газету "Новый Петербург", в которой говорилось, что дольше всех артистов свою истинную фамилию удалось скрывать Валерию Леонтьеву. Автор пишет, что фамилию эту я взял на заре певческой карьеры от своего отчества: Леонтьевич. А истинная фамилия моя Шпонькин. По этому поводу автор сокрушается: ну зачем мне нужно было это делать — ведь и фамилия Шпонькин не помешала бы блестящей карьере.

Вот бред какой. И понятно откуда: надо заполнить страницу — и журналист выковыривает сенсацию из носа. У меня хорошая фамилия, и в голову не приходило ее менять.

А то вдруг я читаю (в той же замечательной газете) о своих эротических приключениях с какой-то арабской принцессой в Эмиратах, которая увидела меня на съемках в 51-й серии мексиканского сериала "Антонелла" (а я его в жизни-то не видел).

— Так принцессы не было?

— Ни принцессы, ни мексиканского сериала, ни поломанных рук-ног, о которых тоже писали. Вот такая бредятина. А бывают публикации и оскорбительного свойства, но это — неизбежная атрибутика профессии звезды.

"ПОЙМИ, КАК ВСЕ, Я НЕ ХОЧУ..."

— Вы устраивали когда-либо скандалы в рекламных целях?

— Нет, никогда. А вообще, это очень хорошее средство подогрева интереса к своей особе. К нему прибегают многие на Западе и уже у нас — для того, чтобы о тебе заговорили. Но о обо мне, кажется, пока говорят и так. Да? Может быть, не надо скандалов? Тем более я очень неконфликтный человек. Уверен, что энергию нужно беречь в мирных целях. И поэтому лишний раз поскулиться со швейцаром или в ресторане с официантом для того, чтобы о тебе потом говорили... Нет... Это не для меня.

— А как вы выходите из положения, когда вам кто-то не нравится?

— Я прекращаю общение, если мой психофизический контур не совпадает с этим человеком.

— До драки дело с чуждым контуром не доходит?

— Было. Я научился всему этому. Не сразу. Но упаси меня Бог...

"ПОВЕЗЛО — НЕ ПОВЕЗЛО... ЗНАЧИТ, ТАК УЖ СУЖДЕНО..."

— Вы начинали вместе с Пугачевой...

— Да, только она раньше оказалась на плаву — в 75-м. А я в 79-м. Но я из глухой провинции (родился в деревне Усть-Уса под Сыктывкаром). Моя первая филармония была в Коми, потом в Горьком, потом в Луганске, ни в одной московской концертной организации я так и не работал ни одного дня. И сегодня я ничей, сам по себе гуляю. У меня есть директор коллектива, который выполняет все эти отвратительные административные функции (их я всем сердцем ненавижу).

— А к Алле Борисовне зависти не испытывали?

— Испытывал, разумеется. Она бесконечно талантлива как артистка и вообще очень интересный человек. И я питал к ней белую творческую зависть. Сейчас уже в меньшей степени, чем тогда... Но и радовался за нее — когда она шарахнет где-нибудь в Сопоте, и опять Гран-при!

"ОХРАНИ МЕНЯ ОТ БЕСКРЫЛЫХ ЛЕТ..."

— А действительно Леонтьеву было запрещено выступать в Москве?

— И не только в Москве, но и в ряде городов... Потому что один секретарь по идеологии решил проявить солидарность с Московским горкомом партии, внесшим меня в черные списки. Таким образом я стал невъездным, скажем, в Ялту — что совсем смешно. Ведь именно там я победил, уже будучи сложившимся артистом, в эстрадном конкурсе...

"Необъявленная война" тянулась с 79-го по 84-й год. Все это время моим творческим домом был питерский концертный зал "Октябрьский". Хотя тогда все решали коммунисты, но почему-то ленинградцам не показалось, что я несу в себе крамольные элементы, что мое пребывание на сцене подрывает общественные устои. Поэтому все свои новые программы и проекты в те годы я создавал именно там.

А в 84-м, когда мы начали работать с Паулсом и решили показать программу в зале "Россия", то только благодаря его авторитету среди сильных мира сего и тому, что время вымучивания-вымачивания кончилось, это получилось. Но я эти годы всегда вспоминаю с улыбкой. И рад, что они были. Несмотря на многочисленные обиды и ощущения, что впереди нет просвета.

— Вы обижались?

— Конечно. Это же самое страшное в жизни — беспросветность. Что делать? Как преодолеть барьер, который, казалось, непреодолим? Как дойти до публики, когда швейцару дано распоряжение на вахте — Леонтьева не пускать(так было, например тогда в московском зале «Россия»). Там меня не пускали на мой же концерт... Но я не помню фамилии своих обидчиков...

— Простили?

— Я просто не помню. Но хорошо, что все это было, потому что тогда каждое впечатление было свежим. Все было внове. Внове было приобретать поклонников, зрителей, репертуар, опыт работы на больших сценических площадках, на стадионах, во Дворцах спорта, на телевидении и т. д. А сейчас эти свежие чувства появляются не так уж часто... Это очень плохо.

— Вы боретесь с этим?

— Пытаюсь. Вчера, например, не сразу получилось. Потому что я себя чувствовал там ужасно дискомфортно, не вписывался в эту сцену, слабо себя слышал — очень плохие мониторы. И комфорт так и не обрел. Но я думаю, что смог хотя бы удачно притворяться... Хороший, здоровый кураж — он ведь редок.

"Я ЗАВОДНОЙ ТАКОЙ..."

Мне хочется, чтобы от моей музыки кайфовали зрители, а не я. Для этого надо создавать, конечно, определенную энергетику в зале, поднимать эмоциональную температуру...

В этом плане мне не слишком, например, везет в жизни с телевидением, хотя меня и много снимают. Но моя температура, энергетика на экраны почему-то не передается. Может, потому, что это специфически мое свойство. И режиссер должен меня понимать, если не любить. И у него должны быть такие же чуткие операторы. И такие же монтажеры.

Так, иной раз смотришь клип: артист — конфетка. Покупаешь билет, приходишь на концерт. А где оно все? Бледная немощь... И случается другая ситуация, когда ты встречаешь на сцене интересного яркого певца, который тебя захватывает. Потом ты видишь это в телевизионном варианте и разеваешь рот — куда все делось? Мне кажется, со мной чаще второе.

— Как относитесь к «фанере»

— В «фанере» приятного мало. Трудно и почти невозможно въехать в прпежнее состояние. Муторно это, неприятно — но иногда необходимо: например во время телевизионных съемок

Я не уверен, что средства массовой информации сослужили зрителю хорошую службу когда стали говорить о пении под фонограмму. Публика теперь слушает песню, отравленную мыслью: «живой звук или нет».

"ХОЧУ Я БЫТЬ САМИМ СОБОЙ..."

— Вы участник такой "суперславянской" акции. А "славянскость" особую в себе ощущаете?

— Я не могу сказать, положа руку на сердце, что я до мозга костей славянин. Наверное, какие-то черты, присущие этой расе, во мне есть. Может, мелодраматичность, способность сопереживать, проникаться чужой эмоцией. Наверное... Но не более.

Воспитан я был так же, как и все остальные "советские" люди, — на тех же книгах, фильмах, средствах информации, какие были под рукой. Что по телевизору показывают — то и смотрел... Какие мы уж славяне, в самом деле...

— Вы серьезно проехались с концертами по Штатам. И не в первый раз. Американский зритель от нашего отличается?

— Да. Наши идут "смотреть", а американцы и другие западники — откровенно развлекаться. Они идут на шоу и принимают в нем активное участие. Они заводят артиста быстрее, наверное, чем он заводит их. Как пробежала между искра — то работа в кайф. Но для этого надо попотеть. Особенно для нашего зрителя, которому надо обязательно сопереживать. Всплакнуть. Пожалеть...

— Чем вам это не нравится?

— Вопрос не в том. Это — факт. Американец с пол-оборота начинает плясать. Даже индусы, такие сентиментальные люди. У них концертные залы и стадионы делятся на две зоны. В одной сидят богатые люди (ко мне на концерт однажды приехал из провинции магараджа, который привез в бронированном фургоне золотой трон — на другом стуле он смотреть концерт не имел права). И вот чинно сидит эта публика, отгороженная перильцами. А рядом народ, который при звуке большого барабана начинает плясать. Для такого зрителя работать, конечно, легче. Но этой публике не важно, о чем поется, они воспринимают только музыку. Наших труднее раскачать, но они ловят твое слово, интонацию.

В Америке, конечно, тебя приходят слушать эмигранты. Те, кто тебя знает, русскоязычная публика. И какой-то процент любопытных американцев.

— В ресторанах тоже поете?

— Нет. Был такой опыт в первую поездку — пел в нескольких залах и ресторанах. А потом больше этого не делал... Не хотел. Последнюю поездку я работал в Атлантик-Сити, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско. Эти гастроли были очень грамотно организованы. И зритель принимал нас хорошо,

— Почему вам, в отличие от многих наших звезд, не нравится работать в Америке?

— В первый раз, действительно, не хотел ехать сюда работать. Потому что предполагал, что наша эмиграция — это публика, которая снедаема ностальгическими воспоминаниями. Для них надо восстанавливать старые песни, а все пережеванное невкусно. Тем не менее они с удовольствием внимали и тому новому, что я привез... В конце концов в угоду публике, из уважения к ней я сделал попурри из моих старых хитов 70-80-х годов. А в результате и сам пою его с удовольствием. Так что двух зайцев убил, а вообще-то у нашего брата-артиста есть тенденция рассказывать, что вся Америка билась в судорогах у его ног. Это, мягко говоря, не всегда так.

"Я ВЕСЕЛЫЙ ДЖИНН, САМ СЕБЕ ГОСПОДИН..."

...Я люблю, чтобы была пища для глаза, чтобы происходящее захватывало своим рядом. Мне нравится быть частью происходящего. Мне нравится движение...

— А вам говорили, что от вас со сцены идет мощная сексуальная волна?

— Да? В самом деле я такой сексапил? Очевидно, как-то изменяюсь по жизни, надеюсь на это. Раньше в моих песнях, может, больше духовного было. Больше философского содержания — такие философско-драматические баллады. Да и выглядел иначе — был заморенным, тощим мальчиком.

Дело в том, что работа в бизнесе как раз предполагает планомерное создание имиджа. Здесь буквально компьютерный расчет — каким ты должен быть. Эта прядь **(показывает)** должна висеть именно здесь. Не говоря уже о репертуаре. Я, наверное, делаю ошибку (а может это и правильно), что работаю чисто интуитивно. Куда меня "тащит" — туда и иду. Пытаюсь научиться доверять себе — потому что мне свойственны сомнения по любому поводу. Правильно ли я спел, сказал... Вы сейчас уйдете, а я буду мучиться два дня — что там наговорил?

Вечно сомнения преследуют меня. Мне важно убедиться в истинности того, что делаю.

— А как это проверяется?

— Временем. Когда ты видишь в своем творчестве работе: был в финале, по жизни, прав. 25 лет скоро будет моей карьере на сцене. Время идет, понимаешь, что все мы смертны. Наступит момент, когда я состарюсь.

— Старый Леонтьев? Возможно ли это представить?

— Мне помогли не просто представить, но и увидеть. В клипе, который снял Дэвид Гриффин из Голливуда, по сценарию шаман показывает мне в хрустальном шаре, каким я буду в 95 лет. Два часа гример делал специальный латексовый грим. Из латексовой пленки получилась вторая кожа. Я увидел, каким могу быть в старости. И картина эта энтузиазма ну просто никак не вызывает. Тем не менее это будущее.

Когда Далида покончила с собой без видимых на то обстоятельств и причин, мне показалось, что она устала прилагать огромные усилия к тому, чтобы быть вечно молодой и красивой. Внешне же у нее дела обстояли благополучно. И я ее, кажется, понимаю.

Не знаю, каким стану спустя годы. Надеюсь лишь, что смогу еще долго интересовать публику и, самое главное, быть интересным себе. Потому что если тебе опаскудеет то, что ты делаешь, — это конец! Но я пытаюсь заводить себя, так или иначе.

"МЫ С ТОБОЙ НИКАК НЕ МОЖЕМ РАЗОБРАТЬСЯ, ЧТО К ЧЕМУ..."

— Вы собой недовольны?

— Это же естественно — если человек не полный идиот. Как правило, он и недоволен собой, и раздражителен по отношению к себе, и ему тоскливо...

— Вам не хватает...

— Может быть, некой среды, которой ты бы мог высказать любую свою мысль...

— А пока — не любую?

— Не любую. Согласитесь — даже имея очень близкого человека, далеко не все, что думаешь, произнесешь вслух. Да? Даже глубже — такой мыслительный эмоциональный фон всегда присутствует. Каждую секунду, что бы мы ни делали, со второго плана доносятся такие обрывки фраз, которые вслух не произнесешь. У меня — так. Мне бы все-таки хотелось, чтобы был человек, с которым я мог себя чувствовать свободно и в любой момент произнести все, что хочу, воспроизвести любой странный образ, возникший в сознании...

(Продолжение на 7-й стр.)

«ВЕЧНЫЙ ЛЮБОВНИК И ВЕЧНЫЙ ЗЛОДЕЙ-СЕРДЦЕЕД?»

Моск. комсомолец. – 1995. – 5 авг. – с. 7.

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

"Я ДАЖЕ, ПАДАЯ, ЛЕЧУ..."

— Такое впечатление, что вы живете в какой-то очень любвеобильной среде. Это так?

— Так, если только это не чудовищное заблуждение. Надеюсь, что люди, которые со мной много лет, с которыми я общаюсь, действительно меня любят. Потому что если это не так — то полная катастрофа.

— Выходит, что вы счастливый человек?

— Выходит, что да **(смеется)**. Хотя нет, конечно, я далек от этого кретинского состояния, которое называется счастьем. Это придумано.

— Тогда насколько вы Казанова, который не устает соблазнять снова и снова?

— Да ни насколько! Я-то посмеиваюсь над этим персонажем... В отличие от некоторых зрительниц.

— Это не очень заметно на сцене — такой крутой донжуанский имидж...

— Ну неужели я на полном серьезе декларирую все это? Такое легкомысленное отношение к жизни? **(С явным огорчением.)** Есть все-таки определенная доля иронии в моих песнях.

— Понятно, что идет игра, но женщины (и не только) довольны.

— Я рад, если людям это нравится, если им песня в кайф. В этом свое назначение, свой смысл.

"ОТПУСТИ МЕНЯ В ОКЕАН МОЕЙ МЕЧТЫ..."

— Почему Леонтьев не снимается в кино?

— Сниматься хотел всегда, очень. У меня есть опыт минимальных контактов с кинокамерой, такого легкого заигрывания. Играл в маленьких эпизодах в фильмах «На чужом празднике», «Не ходите девки, замуж", "Как стать звёздой". А два года назад снялся в главной роли в фильме Геннадия Глаголева "Экстрасенс". Его постигла участь многих картин. Из-за распри между продюсером и прокатчиками он так и застрял где-то у кого-то в сейфе. Даже не вышел на видеокассетах!

Фильм фантастический, авантюрный, на тему паранормальных явлений человеческой психики и исследования ее возможностей. Я играл там злодея, врага человеческого рода. Вообще меня притягивают крайности. Такие, как высший альтруизм или же, наоборот, яркое злодейство в его человеческом воплощении.

"Я В ОПАСНЫЕ ИГРЫ ИГРАЮ С СУДЬБОЙ..."

— А в сатанизме вас не обвиняют? Особенно после инфернально-бесовского "Полнолуния"?

— Были такие мотивчики. Это уж всегда. Кто-то видит во мне воплощение сатанизма, кто-то — ангела-хранителя. Даже в какой-то газете один экстрасенс или еще кто-то (этого дерьма развелось много) перечисляет список слуг дьявола — известных людей. И я там фигурирую.

— И как по-вашему — справедливо?

— Позволю себе не согласиться. Потому что я как раз искренне стараюсь создать на сцене атмосферу радости, всеобщего кайфа — пусть иллюзорного. Я стремлюсь, чтобы человек хотя бы на два часа забыл о своих чудовищных проблемах...

КАЗАНОВА, ПОЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ

"БЫЛО, БЫЛО, НО ПРОШЛО..."

— Почему вам так нравится Индия?

— Я там был уже три раза. Не стоит, думаю, сейчас копаться в том, что нам определено, что на роду написано. И все же мои посещения Индии мне кажутся неслучайными. Первый раз приказом министра я был зачислен в состав участников фестиваля искусств народов СССР в Индии, хотя и не очень хотел: как раз в это время менял квартиру из Луганска на Москву. А в итоге я благодарен тому, что произошло.

Индия — страна потрясающей культуры, которая обладает фантастической аурой, ни на что не похожа. Я всю Индию исколесил. Зрители запомнили, и затем меня пригласили в Индию уже с сольными концертами. А в третий раз я поехал в Гималаи. Встречал в горах рассветы и закаты... В общем, впал в состояние такого гипнотического транса. И начал понимать тех художников, артистов, поэтов, которые всю жизнь провели в горах. Там тебе начинает казаться существование всего остального мира с гастролями, съемками сначала смешным, а потом и вообще ирреальным.

У меня интересные встречи были там... Например, с Рерихом у нас состоялась беседа такого консервативного свойства. Он как раз сделал операцию и находился в отеле после больницы. В общем, глаза на мир он мне не открыл. Проповедовал свою нехитрую религию, которая созвучна и мне — о том, что нужно жить в согласии, в гармонии со всем окружающим. Меня поразила его искренняя вера старого человека в то, что он проповедует.

Как-то пригласили в общину Ошо Раджниша, известного проповедника в городе Пуна. Огромная территория, ухоженный парк. Кстати, единственная в Индии свободная зона от СПИДа — даже табличка висит. Чтобы сюда попасть, надо сдать анализы. Там проповедуют своеобразное отношение к жизни, полную свободу нравов, вероисповеданий...

— Очень даже привлекательная община. Наверное, и о прошлых инкарнациях там можно запросто узнать...

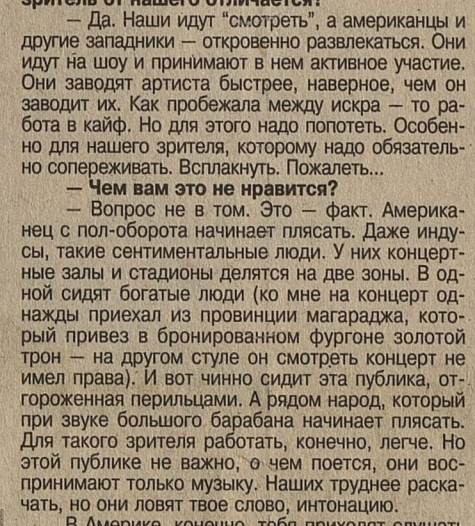
— Было дело... Меня привели в кабинет, уложили на кушетку, и какой-то йог-психолог-экстрасенс начал задавать всякие вопросы типа: каким вы себя видите 15 марта 1648 года? Я рассказал о старом умирающем человеке, которого увидел из-за изголовья кровати в огромной богатой спальне, под шелковыми синими одеялами... И еще дальше по времени меня гоняли.

По-моему, из этого ничего не получилось... Тем не менее, это была любопытная процедура. А вообще, я, конечно, хотел бы все это знать. Мне нужен такой авторитетный человек, которому я мог бы довериться и поверить. Но вместо этого кругом аферисты и сплошные гадалки...

"ЖИЗНЬ, ДАЙ МНЕ ВОЗДУХА ГЛОТОК!"

— А вы доверчивы по натуре?

— Очень. Я человек доверчивый по своей природе. Когда меня с кем-то знакомят, верю, что этот человек замечательный. А потом выясняется, что он... какашка. Это плохо. А происходит так чаще чем в половине случаев. Так уж складывается.



«Так и останусь, бродяга, один...»

Из-за этого возникает некоторая настороженность в отношениях с людьми.

И тем не менее я все равно люблю людей и пытаюсь относиться к ним максимально хорошо. А когда это не получается — сворачиваю свою любовь, закрываюсь и не общаюсь.

— Каких людей хотели бы видеть рядом?

— По возможности, молчаливых. Мне нравятся те, с которыми не нужно много трещать. Я испытываю удовольствие от умного человека...

— На сцене вы много двигаетесь, танцуете почти наравне с замечательными ребятами из балета "Тодес". А в жизни вы такой же динамичный?

— Увы, нет. К несчастью, веду малоподвижный образ жизни, хотя обязан поддерживать форму. Тренируюсь в своем домашнем спортзале на тренажерах. Но в ресторан меня не вытащишь.

— А вчера вас видели в ресторане — и знаю, в каком...

— Да, обещал Наде **(Бабкиной — Н. Б.)** посетить ее юбилей. Пришел, еще раз поздравил, посидел часик и уехал. Не прийти вовсе было бы невежливо. А так я ресторанное времяпрепровождение избегаю. Хотя и понимаю, что людям там интересно общаться...

"СТРАННАЯ НОЧЬ, ЛУННАЯ НОЧЬ..."

— Вы, вообще, "ночной" человек?

— Я ночной. Ложусь очень поздно (или рано) — в 9-10 утра. Встаю около 8 вечера. И начинается моя ночная жизнь, хождение по дому... Поставил фильм, полистал эту книжку — нет, взял другую, вытащил наугад корешок.

— Да?

— А что, странно звучит, что читаю книжки?

— Вообще-то... Но тогда, наверное, телевизором пренебрегаете?

— Зачем же травмировать психику? Есть другие болезни, от которых можно заболеть. Или несчастный случай — можно попасть под трамвай. Зачем же приближать кончину? И газеты, кстати, тоже делают это.

"Я ОДИНОК В КРИЧАЩЕЙ ТОЛПЕ, В ШУМНОЙ ТОЛПЕ ЛЮДСКОЙ..."

— Где себя комфортнее чувствует Леонтьев — в России, Америке или Индии?

— Я себя там хорошо чувствую, где меня не знают. Тогда — ощущение полной свободы. Например, в Нью-Йорке могу целыми днями гулять по улицам, бродить по Манхэттену, забраться в Гринвич-виллидж...

— ...На Брайтон?

— Нет. Я туда не пойду. Зачем же вы так плохо ко мне относитесь? Нет, я не хожу на Брайтон — зачем, когда можно поехать в Харьков?

А еще люблю острова. Раньше, при социализме, смотрел клуб Сенкевича и тоскливо думал: "Боже мой, я ничего этого так и не увижу"? Так и умру на маршруте между Красноярском и Уфой. А потом все так переменилось... Например, в прошлое лето уехал в отпуск на Вирджинские острова. А сейчас после американских гастролей полетел на Гавайи — посмотреть на Гонолулу: про что это я там пою.

Где еще мне хорошо? Это индийские варианты. Азия. В Монголию тянет — не знаю почему. Природа сильно обидела эту страну, дала ей две краски: желтый песок и сине-фиолетовое небо. И бараний жир. Я не могу выкинуть это из памяти. Даже купил картину с монгольским ландшафтом.

— Вам живопись помогает?

— Не могу сказать, что я ее знаток. Но если картина вызывает нужное мне состояние — то лучше, чтобы она у меня висела.

— Что же дальше?

— Есть приглашения от импресарио Лайзы Миннелли, а также от "нашей" американки, продюсера Марины Ковалевой (она помогала в организации моих последних гастролей на восточном побережье). Возможно, Лайза приедет в Санкт-Петербург и в «Октябрьскпм» мы сделаем вместе программу - как с Лоллобриджидой в прошлое лето. Так что дорога в Голливуд начинается в России.

Наталья БОБРОВА.

Фото Натальи БУДАНОВОЙ и Павла ФРИДМАНА.